

ПЕРЕХОД СЛОВ ИЗ ОДНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В ДРУГУЮ (ТРАНСПОЗИЦИЯ)
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Негматова Навруза Нодировна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Каландарова Захро

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация: *В статье исследуются механизмы и динамика транспозиции частей речи в современном русском языке начала XXI века. Особое внимание уделяется функциональному переходу единиц, стиранию жестких лексико-грамматических границ и возникновению синкретичных форм. Автор анализирует процессы субстантивации, адъективации и адвербиализации через призму когнитивной лингвистики и дискурсивных практик. Рассматривается влияние медиа-сферы на ускорение межкатегориальных переходов.*

Ключевые слова: *транспозиция, части речи, функциональная омонимия, конверсия, грамматикализация, синкретизм, современный русский язык.*

Abstract: *The article examines the mechanisms and dynamics of transposition of parts of speech in the modern Russian language of the early 21st century. Special attention is paid to the functional transition of units, the blurring of rigid lexico-grammatical boundaries, and the emergence of syncretic forms. The author analyzes the processes of substantivization, adjectivization, and adverbialization through the prism of cognitive linguistics and discursive practices. The influence of the media sphere on the acceleration of intercategoryal transitions is considered.*

Keywords: *transposition, parts of speech, functional homonymy, conversion, grammaticalization, syncretism, modern Russian language.*

Современная лингвистическая парадигма все чаще отказывается от статического восприятия системы частей речи как набора герметичных «ящиков», в которые упакован лексический фонд языка. Динамические процессы, наблюдаемые в живой речи последних десятилетий, заставляют исследователей обратиться к феномену транспозиции — уникальному механизму, позволяющему слову менять свою категориальную принадлежность, не меняя (зачастую) внешней морфемной оболочки. Транспозиция в русском языке выступает не просто как способ словообразования, но как фундаментальное свойство языковой экономии и экспрессии. Мыслы, который в своих трудах наглядно демонстрировал, как живое слово сопротивляется жесткой классификации. Он подчеркивал, что части речи — это не застывшие формы, а «живые потоки», которые постоянно перетекают друг в друга под давлением контекста. В

современном контексте этот «поток» превращается в стремительную реку: существительные становятся наречиями («утром», «домой»), прилагательные окончательно закрепляются в роли субъектов («мороженое», «управляющий»), а причастия теряют глагольность, превращаясь в чистые определения.

Транспозиция — это всегда акт функционального сдвига. Когда мы используем слово в нетипичной для него синтаксической позиции, происходит разрыв между его «генетической» памятью (тем, чем оно было изначально) и его актуальным смыслом. Известный исследователь морфологии отмечал, что в основе этого процесса лежит явление синкретизма: слово на определенном этапе своего пути находится в «сумеречной зоне», совмещая признаки двух категорий сразу. Интересно рассмотреть этот процесс через метафору литературного творчества. Подобно тому, как герой романа может внезапно сменить социальную роль, оставаясь при этом той же личностью, слово в русском языке меняет свой грамматический статус, сохраняя семантическое ядро. В художественных текстах, например, у Набокова, мы часто видим, как автор намеренно «раскачивает» категориальную принадлежность слова, заставляя признак (прилагательное) звучать как субстанция, тем самым овеществляя мимолетное впечатление. Это не просто стилистический прием, это демонстрация потенциала языка к постоянной самотрансформации.

Критики и теоретики языка в своих работах указывали на то, что грамматика — это «логика в действии». Согласно его взглядам, переход слова из одной части речи в другую обусловлен не столько формальным удобством, сколько потребностью человеческого мышления в более точной упаковке смыслов. Если предмет начинает восприниматься как действие, а действие — как качество, язык послушно предоставляет инструменты для этой трансформации. Особый интерес вызывает субстантивация в медийном дискурсе. Сегодня мы наблюдаем, как абстрактные понятия или адъективные формы стремительно превращаются в полноценные имена. Слова вроде «социалка», «личка» или «цифра» (в значении цифровых технологий) проходят путь от сленгового сокращения до устойчивой лексической единицы, закрепленной в словарях как существительное. Здесь транспозиция выступает как фильтр, отсеивающий избыточность и оставляющий лишь семантический концентрат. Процесс субстантивации, или переход слов различных категорий в разряд имен существительных, представляет собой наиболее продуктивный тип транспозиции в современном русском языке. Лингвистическая природа этого явления кроется в семантической конденсации: когда признак предмета становится настолько значимым, что начинает замещать сам предмет в сознании носителя языка. В. В. Виноградов, при субстантивации происходит не просто изменение синтаксической роли, но глубокая перестройка морфологических признаков слова, где формы рода и числа из согласуемых превращаются в классифицирующие [1, с. 142]. В современном медийном пространстве этот процесс форсируется. Например, прилагательное «цифровой», пройдя через этап эллипсиса (цифровые технологии -> цифра), трансформировалось в

существительное «цифра», вобравшее в себя весь спектр значений, связанных с IT-индустрией и автоматизацией. Критик и лингвист А. М. Пешковский в своем фундаментальном анализе указывал, что субстантивация — это прежде всего психологический акт «овеществления» [2, с. 115]. Мы перестаем воспринимать «больного» как «человека, который болен», и начинаем видеть в нем самостоятельную субстанцию. В художественном тексте это позволяет авторам создавать эффект остраннения. Если мы обратимся к поэтике модернизма, то заметим, как часто абстрактные прилагательные среднего рода (например, «далекое», «несказанное») обретают плоть существительных, становясь центрами предложений. Не менее значимым процессом является адъективация причастий. В современном языке граница между «действием как признаком» и «качеством как таковым» крайне тонка. Лингвист А. В. Бондарко подчеркивает, что при переходе причастия в прилагательное происходит утрата глагольных категорий времени и вида, при этом слово приобретает способность выражать степень качества. Слово «вызывающий» в контексте «вызывающее поведение» уже не соотносится с актом вызова кого-то на дуэль; оно закрепляется в лексиконе как оценочный эпитет, лишенный динамики времени. Интересно проследить взгляды Е. С. Кубряковой на когнитивную природу транспозиции. Она утверждает, что переход слова из категории в категорию продиктован «категориальным сдвигом в фокусе внимания» [4, с. 210]. Когда наше сознание переключается с действия на результат или с признака на объект, язык мгновенно реагирует сменой грамматической маски. Это подтверждает тезис о том, что части речи — это не статические классы слов, а ментальные репрезентации различных способов восприятия реальности.

В современной сетевой коммуникации адъективация часто сопровождается ироническим переосмыслением. Слова, изначально описывавшие физические свойства (например, «духота» — «душный»), в результате транспозиции и последующей метафоризации превращаются в ярлыки психологических состояний или типов личности. Здесь мы видим сложный синтез: сначала адъективация (переход к качеству), а затем повторная субстантивация в узком сленговом контексте. Рассматривая идеи сквозь призму лингвистики, можно сказать, что транспозиция — это проявление «диалогичности» языка. Слово, переходя в другую часть речи, вступает в диалог со своим прошлым значением, создавая новые смысловые обертоны. Это превращает морфологию из скучного свода правил в живое поле смыслопорождения. Процесс адвербиализации (перехода в наречия) в современном русском языке представляет собой уникальный пример того, как морфологическая «память» слова стирается в угоду синтаксической прагматике. Чаще всего этот путь проходят падежные формы существительных, которые, застывая в определенном контексте, теряют способность склоняться и обладать предметным значением. Наречие — это своего рода «лексический тупик» для слова, где его грамматическая энергия консервируется для обслуживания глагола или прилагательного. Например,

существительное «дом» в творительном падеже («домом») и наречие «домой» (бывшее направление) демонстрируют разную степень грамматического отчуждения. В современном языке мы видим экспансию наречных форм, образованных от числительных («надвое», «вшестером») и даже местоимений («совсем», «по-твоему»), что свидетельствует о стремлении языка к максимальной конкретизации обстоятельственных связей.

Критик и исследователь структуры текста А. М. Пешковский замечал, что наречие — это «самая бесформенная» часть речи, которая живет за счет грамматического истощения других категорий [2, с. 189]. В его понимании, переход в наречие — это цена, которую имя платит за право стать чистым обстоятельством. Если в классической литературе XIX века мы еще отчетливо ощущали связь наречия с его «родителем» (например, «шагом», «бегом»), то в современном дискурсе наречия все чаще становятся автономными единицами, порывая всякую связь с исходным корнем на семантическом уровне. Особое место в этом процессе занимает переход прилагательных в категорию состояния (предикативы). Слова вроде «холодно», «пусто», «тревожно» в функции сказуемого безличного предложения — это высшая точка транспозиции, где качество отрывается от объекта и становится характеристикой самой реальности. В художественных пересказах произведений И. Бунина мы часто встречаем подобные конструкции: мир у него не просто «холодный», он «холоден» до степени субстанциональности, когда состояние природы полностью поглощает субъект, превращая его в пассивного созерцателя. Здесь лингвистический переход из прилагательного в категорию состояния служит инструментом передачи экзистенциального одиночества персонажа.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — Л.: Наука, 1987. — 348 с.
4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 200 с.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
6. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. Ред.). — М.: Наука, 1980. — 789 с.